

ЧТО ТАКОЕ ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК?

— Это очень важно,— произнес Король, поворачиваясь к присяжным...

— Ваше Величество хочет, конечно, сказать: неважно...

— Ну да,— поспешно сказал Король.— Я именно это и хотел сказать. Неважно.

И забормотал вполголоса:

— Важно-неважно... Неважно-важно.

Некоторые присяжные записали «важно», а другие «неважно».

Л ь ю и с К э р р о л л
«Алиса в Стране чудес»

Прошлое доходит до нас в определенных формах, о нем напоминающих. Эти формы обычно и называют историческими источниками. Русло реки, текшей тысячу лет тому назад и определявшей жизнь осваивавшего прибрежные долины народа, его песни и предания, язык и пословицы, орудия труда и предметы быта, хроники и летописи, хартии и тексты договоров, своды законов и записи обычаев — все это является для историков исходным материалом, оперируя которым он познает прошлое.

Одни источники представляют собой часть отошедшей в прошлое реальности, ее реликты (орудия труда, монеты, археологические памятники, культовые здания, грамоты, хартии, соглашения и т.п.). Другие сообщают о прошлом, описывая, оценивая, изображая его (летописи, хроники, художественные произведения, воспоминания, дневники, наставления и пр.). Первые принято называть остатками, дающими непосредственную информацию об исторических событиях, вторые — преданиями, сообщающими о них опосредованно, сквозь призму сознания повествователя.

Такие общие сведения об исторических источниках вряд ли позволят судить о научной ценности и достоверности содержащейся в них информации, о их значении для научного познания прошлого. В самом деле, остается непонятным, как относиться к фактам источников. Как к «кусочку»,

фрагменту объективной реальности, если речь идет об остатках? Как к факту сознания создателей исторических преданий? Сблaзн противопоставить эти виды источников велик, но неплодотворен.

Любой источник является продуктом социальной деятельности людей. Любой источник субъективен, ибо отражает прошлое в форме личных, субъективных образов. Но вместе с тем он представляет собой форму отражения объективного мира, эпох, стран и народов в их реальном историческом бытии. В этом смысле исторические источники могут рассматриваться как основа познания исторической действительности, дающая возможность реконструировать события и явления социальной жизни прошлого.

Значит ли это, что исторические явления и события предстают перед историком «в готовом виде» и ему ничего не остается, как изложить их в своих сочинениях? Если бы так было на самом деле, историческая наука не преодолела бы детских заблуждений и ошибок, оставшись наивной сочинительницей волшебных сказок. К счастью, специфика исторических источников такова, что необходимость их научной критики, анализа, извлечения истинной и определения ложной информации вполне очевидна.

Поставим себя на место историка, вознамерившегося изучить предпосылки, ход, характер и значение судебного заседания, состоявшегося в известное ему время в Стране чудес. В первую очередь он займется поиском источников, главными из которых, бесспорно, станут записи присяжных. И что же? По ключевому вопросу — позиции Короля — их данные разойдутся: ведь некоторые присяжные записали «важно», а другие «неважно».

«Всегда вначале — пытливый дух» (М. Блок): изучение любого исторического источника представляет собой сложную научную задачу, предполагающую не пассивное следование за ним, но активное и пристрастное «вторжение», «вживание» в его структуру, смысл, специфику формы, содержание, язык, стиль.

Чтобы извлечь нужную информацию из источника, субъективно отражающего объективный мир, историку придется соблюдать ряд условий и правил, приспособляться к обстоятельствам, от него не зависящим. Прежде всего нужно определить подлинность источников, находящихся в распоряжении историка. Это требует от него чрезвычайно высокой квалификации. Необходимо знать очень многое: характер письма, писчего материала, особенности языка,

его лексики и грамматических форм, специфику датировки событий и употребления метрических единиц...

Но даже доказательство подлинности источника не означает, что историк может без опаски пользоваться содержащейся в нем информацией. Подлинность источника не гарантирует его достоверности. Часто извлеченные из него сведения неточны, ошибочны, ложны. Иногда причины искажения информации очевидны — достаточно, например, задуматься о том, в какой мере был осведомлен автор об описываемых им событиях или какие личные интересы преследовал, участвуя в них. Зачастую в поисках правды историку приходится проделывать скрупулезную работу, выявляя всю совокупность факторов, влиявших на достоверность сообщаемых источниками сведений. Он должен ясно представлять себе обстоятельства появления источника, личные, политические, сословные, религиозные, партийные пристрастия его создателя. Всё это важно для установления истины, без этого не пробиться к объективной основе сообщений источника о событиях.

Определение степени достоверности и подлинности источника составляет важнейшую задачу источниковедческой критики. Трудности работы с источниками этим, однако, не исчерпываются. Как уже было сказано, многое от историка просто не зависит.

Начать с того, что отдельные свидетельства, имеющие для науки огромное значение, вообще не сохранились. Часть из них содержалась в источниках, по разным причинам до нас не дошедшим. Сколько поистине бесценных для историка документов погибло в годы Великой французской революции! В огне костров и пожаров исчезли сеньориальные архивы с протоколами судебных заседаний, записями правовых норм, определявших экономическое и юридическое положение крестьянства. В огне войны 1812 г. был уничтожен список, в котором находился текст «Слова о полку Игореве», великой поэмы, обнаруженной А.И. Мусиным-Пушкиным лишь в конце XVIII в. Невозможно определить, какое количество источников унесли с собой войны, революции, перевороты, стихийные бедствия, трагические происшествия...

Но проблема состоит не только в том, что значительное число важных материалов безвозвратно утрачено. Мышление людей прошедших эпох существенно отличалось от мировосприятия и мировоззрения современного человека. То, что представляется нам случайным, не имевшим серъ-

езных последствий, привлекало их внимание. Многие же стороны общественной жизни, кажушиеся нам чрезвычайно существенными, не нашли достойного отражения в источниках. Мы значительно лучше информированы, скажем, об образе жизни и кодексе чести европейского рыцарства XI—XV вв., чем о социокультурных представлениях крестьян. Нам лучше известна жизнь русского дворянского поместья XVIII в., чем повседневное существование отходника или рабочего человека уральской горнозаводской мануфактуры. Мы больше знаем о столкновениях правителей и войнах государств, чем о движении цен на пшеницу или вино. Иногда просто удручают лаконичность сведений древнерусских летописей, очень сжатые и в то же время расплывчатые формулировки законодательных источников того времени, краткие регистрации дел в журналах повседневной записи, ведшихся в канцеляриях приказов в правление Алексея Михайловича, или в протоколах английского парламента эпохи Елизаветы I.

Социальные стандарты восприятия и отображения действительности были совершенно иными. Чем дальше мы уходим в глубь времен, тем сложнее становится разобраться с содержащейся в источниках информацией. Историк должен овладеть тайнами такого прочтения источника, которое учитывало бы специфику «культурного кода» эпохи и особенности личности его создателя. Только тогда станет ему доступной и так называемая ненамеренная, косвенная информация, содержащаяся практически в каждом источнике. Искусство историка — это, в частности, и искусство правильно и точно ставить вопросы к источнику.

Скажем, так называемые «покаянные книги», пени-тенциалии всегда привлекались историками для характеристики целей, форм и результатов воздействия средневековой католической церкви на общество, на мирян. «Пособия» для священников, помогавшие проводить таинство исповеди, действительно дают очень много материала, позволяющего четко представить, какие сферы общественной и личной жизни находились в сфере постоянного интереса клира: «Не распевал ли ты дьявольские песни, и не участвовал ли в плясках, придуманных язычниками, которых обучил дьявол, и не пил ли ты там и не веселился ли, отбросив все благочестие и чувство любви, как бы в восторге от кончины ближнего твоего? Не гадал ли ты на книгах или на табличках, или на псалтыри и евангелиях, или на чем-то подобном? Не верила

ли ты в такую невероятную вещь или не принимала в ней участия, что якобы существует женщина, которая посредством дурных дел и заклинаний способна изменять ум людей, а именно от ненависти к любви и от любви к ненависти?» Вместе с тем они содержат богатейшую не-намеренную информацию о повседневной жизни и духовном мире средневекового крестьянства, куда, казалось, доступ исследователю закрыт, ибо это был мир, «обычно скрываемый официальным христианством» (А.Я. Гуревич).

Понятно, что каждый источник нуждается в глубоком индивидуальном изучении, учитывающем при этом необходимость комплексного исследования всех сохранившихся свидетельств о прошлом человеческого общества.

Теперь становится возможным дать более полное и точное определение исторических источников. Таковыми можно считать «все, отражающее развитие человеческого общества и являющееся основой для научного его познания, т.е. все созданное в процессе человеческой деятельности и несущее информацию о многообразных сторонах общественной жизни» (И.Д. Ковальченко, С.В. Воронкова, А.В. Муравьев).

Двигаясь все дальше по стрелке, связывающей «исторический факт, как реальность прошлого, отраженную в источниках», и «исторический факт как результат научной интерпретации реальности прошлого, отраженной в источниковеднике», мы выходим из сферы собственно источниковедческих проблем и вторгаемся в область иную. Здесь историк сбрасывает фартук ремесленника — он был нужен тогда, когда отделялись доброкачественные свидетельства от ложных, соскребался толстый слой искажений, мешавших прорваться к крупным истинным и ценным информации. Уже на этом этапе историк сопоставлял, ставил вопросы, но все это делалось как бы «вчерне», в предварительном порядке, среди хаоса фактов. Короче, это было все-таки «грязная работа». Выполнив ее, историк получает возможность надеть повседневный костюм ученого и, засучив рукава, приняться за научный анализ, интерпретацию, синтез имеющегося материала. Он может теперь строить воздушные замки теорий, решать проблемы и отвечать на вопросы: «почему?», «вследствие чего?», «каким образом?», «было ли это неизбежно?», «с чем это связано?».

Историк становится созидателем. «Разъятая» реальность прошлого, отразившаяся в изученных им источниках, «повернется гармонией» гипотез, концепций и выводов. Впрочем, здесь, как и везде, — «вначале было слово».